

Юрий Черниченко издал новую, уже четырнадцатую, свою книжку — «Страна Лимония». Ничего загадочного в таком названии нет. Она, как говорится в аннотации, «О России со счетом на лимоны» /миллионы/. Для многих читателей откроется еще одна грань таланта известного писателя и публициста — «Лимонию» он сам иллюстрировал. В дополнение к двум отрывкам из новой книги Юрия Черниченко мы для ориентации читателей «Курантов» приводим названия нескольких других сюжетов «Лимонии». С авторскими рисунками-заголовками.

Покой и не снится

«Хотели как лучше, а получилось как всегда».

Фраза обесмертила премьера Черномырдина, если даже он ее и не произносил. Обогащать народ целой пословицей!

«Как лучше» хотел и я. На безарплатной основе сидеть в верхней палате все еще очень большой, протяженной страны, вмешиваться только там, где интуитивно понимаешь, как «лучше», а что «как всегда», быть среди седовласых или от рождения особо цепких представителей территорий строгим, но снисходительным контролером ОТК при конвейере готовых законов, над которыми трудолюбиво усердствует где-то внизу палата нижняя, разногласная, как Ноев ковчег, — кому еще из российских пишущих выпадала — не по милости, не по назначению — такая удача? Да еще в пору, когда у нас все переворачивалось и только укладывалось?

При близком рассмотрении выяснилось: членство в палате нижней (в партийной ее половине) приобретает из рук хозяина. Воскрес Ортодел, разве что под другой кликухой. Нужный ты человек — включают в список, нет — гуляй. (Потом один лидер даже ввел в норму бить своих назначенцев, как барыня дворовых.)

Я показался нужным, место забронировали, но чувства трепетной благодарности это не принесло. Да и прочие очевидности вызвали морскую болезнь.

Один тощий функционер, подрядившись опекать богатенького кандидата от фонда Нижинского (или Стравинского?), начинал кампанию в дырявых, как бюджет, башмаках, к середине ее щеголяя в итальянских желтых утконосах, а к финишу пришел в вальяжной кожаной куртке. Пришел, естественно, депутатом, обронив балет где-то на полпути.

Нет, иди — так своим ходом. Вывез меня на выборах «Москвич» — репидное произведение АЗЛК. В дни сбора подписей у него как раз отказали четыре скорости, включалась одна задняя. Ремонтировать ни времени, ни смысла не было, и при каждом переключении я глушил мотор и начинал с полного зстоя. Народ в пробках безмолвствовал, но не всегда.

— Я единственный приехал к вам на вашем изделии! — гордо заявил я на встрече с многотысячным коллективом автозавода имени Ленинского комсомола. — Я один из кандидатов АЗЛК! Что такое сцепление АЗЛК! Что есть ваша коробка! Как варятся к мотору ваши «штаны»!

— А цыплята синюшные? А магазинная картошка? — кричали в ответ из зала.

Одним словом, смычка. Семимиллионный избиратель-москвич оценил невольный трюк с машиной его имени и направил меня в сенат.

Дальше пошел действовать эффект премьеры: явное «как всегда»!

очная встреча со Стародубцевым — и необходимость, обязанность сидеть с ним в одном зале (его Тула избрала — назло Ельцину);

присутствовать при отбеливании черного кобеля — и не мочь применить то единственное ремесло, каким так ли, сак владеешь. То, приобретенное под Суловым, Зияниным, Андроповым ремесло — печатно называть кошку кошкой. Потому что правила игры теперь совсем другие. Кого вам

обличать, зачем шелкоперствовать, если от вас ждут законотворчества?

Сотрудничество в специализированном КБ, где спешно изготавливаются две легенды. О счастливой колхозной России, которую потеряли. И о коварном Западе, где теперь все как раз так, как в хорошее время было у нас. Молча наблюдать восстановление и развитие Сельхозотдела ЦК с теми же свечами-обычаями, с тренерами Руцкого по агромарксизму, рыцарями девиза «Партия прикажет — наука докажет», разве пока без вечного в этих кругах Капустина.

Председатель колхоза в парламенте — большая сила. Генерал в погонах — ангел кротости рядом с колхозным генералом. Директор «почтового ящика» тысячу на двести душ — нежная гимназистка. Председатель инакомыслия ненаказанно не может себе простить. На первом съезде нардепов ко мне применили — не поверите! — суд чести! Милейший аграрий Айдак с Полюжья предложил: «Дайте его судом чести судить, раз обыкновенным нельзя!»

Но и это бирюльки. Один бывший «первый» обкома удумал... лишение меня места рождения! Некий Ю. Черниченко, тоже вроде бы в неприкосновенности состоящий, вдруг лишается — общественной, конечно! — места своего давнего рождения. Ибо это место в его, «первого» губернии входит. Взлеты духа, характеры — Нерону не снилось. Мол, походит, стервец, без рождения, как человек без тени, сразу Лазаря заплет.

Короче, в действительности все оказывается «как всегда».

Лет пять, не меньше, наши со Стародубцевым фамилии звучали тандемом, комплектно. Но не сливаясь, как Минин — Пожарский, не дополняя одна другую, как Карцев и Ильченко, а неким единством противоположностей. Дialeктическим, вроде вольтовой дуги. Он, правду сказать, никогда альпинистской связки нашей не берет — наоборот, норовил при случае рубануть по канату, чтоб эхо в ущелье сказало о моем быстром, без мучений, конце. Но упрямо мешала судьба.

Уже делила кредиты АККОР, уже затевали мы Крестьянскую партию, когда он, невезучий мой Каин, послал в ЦК КПСС, в тогдашний Верховный Совет и в Гостелерадио простой, как граната Ф-1, донос с печатью и грифом. Там в стиле 1937 года было изложено требование

на выброс из состава населения. Что в осадке? Разгон ГКЧП. А в нашем споре возник период тишины. Матросской.

Но было и мимолетное сближение, когда я, как знающий грамоте, был привлечен председателем корпусом к заготовке бумаг — и так узнал взгляд чинов Агроулага на деликатную тайну колхозного бытия: кормление от капитализма.

На первом, сахаровском съезде народных депутатов СССР была стихийно, но организованно сколочена аграрная группа — прообраз и Аграрной партии, и аграрного лобби в теперешних палатах. Преды (председатели) натурально избражали вече, пугали Горбачева яростью и радикализмом — им было можно. Народ, забот-

жизнь — театр, и нет лицедея старательней, чем защищающий себя от списания, от реки времен...

Сочиняя проекты заявлений-обращений, я, где мог, вставлял свое: зерновой импорт есть национальный разор, Карфаген должен быть разрушен. Только повернуть золото нефтедолларов на советскую мельницу — сколько дорог сразу, техники, жилья...

«Ты что, теряешь тридцать миллионов тонн? Брось, зачеркни».

Стародубцев, пред. Всероссийского совета колхозов и вожак протестантов, оказался цензором покруче сусловских. Эта тридцатка (бывало, сороковка, доходило до пятидесяти) миллионов тонн была схвачена, пристроена как ежегодное достижение колхозного социализма — и руки прочь.

Импорт секретно поглотил от 150 до 200 миллиардов долларов США, о таком агробизнесе Штатам больше не грезить, зато колхозный строй при этой подкачке чувствовал себя застрахованным.

Река экспортных нефтедолларов размывала российское село. Дотировался не производитель зерна-молока, а его городской потребитель.

Харчи бедноты, в сущности, были бесплатными. Но все без толку: Тула оставалась рекордно голодным городом. Рязань жила подвозом из Москвы, в аэропортах задержки рейсов вызвали таяние мяса в чемаданах.

«Нет, про импорт убрать, убрать, не похозяйски. Все-таки тридцать миллионов», — кивали в фойе звездности. Стародубцевский слой колхозных генералов не считал перебранных пятидесяти (как минимум) миллиардов долларов за океан грабежом, как не считал грабежом отъем 20 пудов зерна путем удара наганом в висок первый, нагульновский возраст Агроулага.

В писарях у колхозного лобби я не задержался. Впрочем, давно уже пора «по делу».

Страна, которой нет

Получив письмо из Норильска от бабушки неведомых мне двух внуков, я было отодвинул его со стола. И на следующий

день не ответил. Но на третий рука сама потянулась к нему. Я снова прочел послание и отбросил такую телеграмму:

«Я такой страны не знаю тч. Если найдете тире срочно сообщите мне зпт выведу пожизн вскл С уважением Черниченко».

Заботливая и небедная (по ее словам) бабушка сообщала, что сочувствует фермерству, следит за моими передвижениями, уверена, что выдал я много, бывал во всяких местах, а потому просит оказать помощь в ее воспитательной миссии. Две ее милых внучки вырастают в Норильске, а там полгода мрак и весь год отравленный воздух. Норильск — не Россия, лишь оборотная ее сторона, а двум крошкам нужно показать такую страну, такую Россию, какая с раннего детства залегла бы в сердце и сформировала будущую личность. Норильчанка доверительно просила назвать ей адрес райцентра (маленького города, можно большого селения, лучше с древними памятниками), где были бы следующие составные части бытия:

1. Речка с песчаным берегом и водой такой прозрачности, что войдешь, а пескари в ноги тычутся, волосики клюют;

2. За речкой — луг с разнотравьем, чтобы показать все многообразие русского юния;

3. И кукушка в ближней роще, и земляника на склоне, и пеньки, чтобы присесть отдохнуть, муравьи, майские жуки, голубые стрекозы и пестрые бабочки...

Та-ак! Паустовским я общался еще до XX съезда КПСС, Дорошем после. Первые два дня я не мог подавить в себе сарказма, издевки, кислотной иронии: ишь губу-то раскатали! В российский 13-й год захотелось? А в Нишу не желательное? В Майами — слабо?

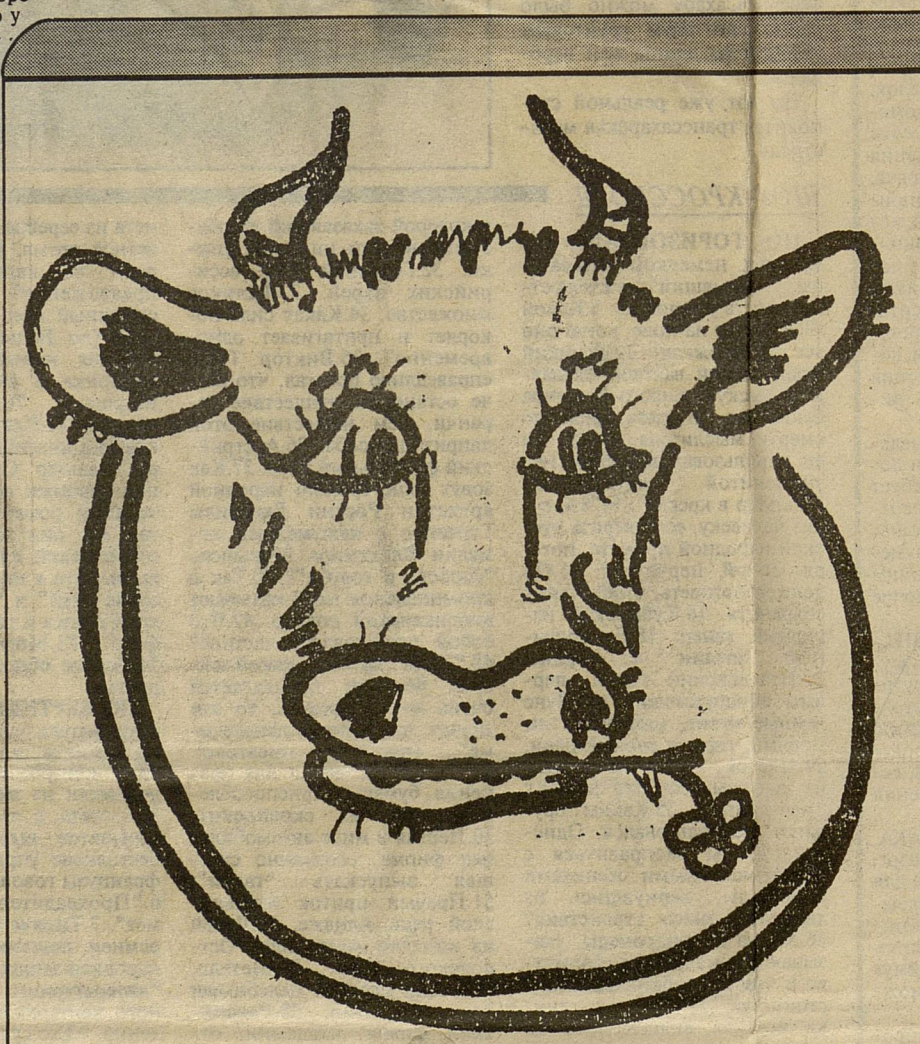
И только на третий день остыл до степени, когда уже можно стало думать, что ж, собственно, сумасшедший: кто ищет такой мир души или кто смеется над ишущим?

Ну назовите страну на земле, где все перечисленное было бы столь фантастично! Где бы и кукушка, и земляника, и чистота быстрых струй в сочетании с библиотекой и смиренным сельским храмом были так недостижимы для пожилого человека, вкалывавшего тридцать лет в условиях реального ада. Где бы то, что человек желал передать внукам, было так мало и столь недостижимо!

Норильск — это вся Россия, уважаемая, такова-то наша земля теперь и есть. Вовсе не оборотная это сторона, а самая лицевая! Поздно искать пескаринные реки и вечерний звон из-за леса! Все это каюк. Повсеместно и на все сто...

Мы очень напоминаем корабль, который мчался вперед, сжигая в топках котлов надстройки: каюты, шлюпки, мачты, спасательные круги.

Впрочем, то, чего требует бабушка из Города Эзков, и есть программа фермерства. Программа действий самого лучшего в людском остатке России. Наввно или нет описана искомая страна — дело, как говорится, вкуса. Но что теперь я и о насмешливой телеграмме своей жалею — факт. Надо было ответить: «Когда сделаем описанную вами страну — непременно сообщу ее координаты».

Страна Лимония

А еще в «Лимонии» есть:

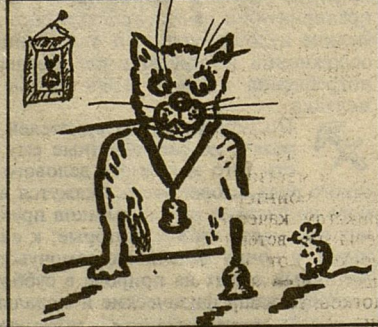

Красный остров

Земля и воля сегодня

Правило для конца света

История моих пятисот гектаров